

Концовка повести Мармонтеля менее правдоподобна — вряд ли Элиза могла столь долго беседовать с Воланжем, не узнав его, не усомнившись, сильф ли перед ней, принявший облик мужа, или сам муж. Подобное завершение не было приемлемо для пьесы, поэтому русский поэт избирает иное решение, на наш взгляд весьма удачное.

Как видно из сопоставления комической оперы Н. А. Львова и повести Мармонтеля, образы главных героев не претерпевают значительного изменения, хотя, нужно отметить, Нелест более деликатен и простодушен, чем Воланж. Персонаж русской пьесы не стремится испытывать свою жену, а лишь желает заслужить ее любовь. Иначе дело обстоит с другими героями пьесы. Так, Нина лишена экспансивности Жюстины. В отличие от французской камеристки, всерьез переживающей за своих господ, Нина порой посмеивается над барскими причудами:

«**Нина** (одна). Какие чудесники! Жена проказит да воздушных любовников выдумывает, муж от земной жены бегаёт, да по ночам звезды считает, а нам, право, нет покою.

Ария (без риторнеля)
О! когда бы мне женою
Удалось твоею быть!
То ночной бы ты порою
Этак позабыл ходить.
Нет, уж не учить бы Нину,
Как супругу, господину
Приказать себя любить», и т. д. (РГАЛИ, л. 10).

Ария Нины в 17-м явлении 2-го действия — это не только совет служанки господам, но и своеобразная мораль пьесы:

Шуткой, шуткой, господа,
Ваши маленькие вздоры,
Прихоти, упрямства, ссоры
Исцеляйте завсегда (РГАЛИ, л. 36 об.).

Учитель игры на арфе Тимотé в повести Мармонтеля — участник розыгрыша; в пьесе Н. А. Львова создан образ итальянского музыканта Торини, погруженного в себя, плохо владеющего русским языком, постоянно бранящегося с дворовым Андреем. Сцена их препирательства выделяется в пьесе фарсовым комизмом, открывает второе действие и задает ей жизнерадостную тональность.

Торини преподаёт Мире, готовит представление, но о разговоре супругов и не подозревает, он будто живет в ином измерении. Замечателен эпизод импровизации Торини, также не имеющий аналогий в повести Мармонтеля, — зрители как бы соучаствуют в сочинении музыки (д. 2, явл. 5).

Подлинной удачей Н. А. Львова-драматурга стал образ крепостного Андрея, соединяющего отеческую нежность по отношению к господам с искренним непониманием сущности конфликта. Андрей немного трусоват, боится нечистой силы,